

С.Б. Слободин

*Северо-восточный комплексный научно-исследовательский институт ДВО РАН,
ул. Портовая, 16, Магадан, 685010, Россия
E-mail: sslobodin@mail.ru*

ПЕРСПЕКТИВЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАННИХ КОМПЛЕКСОВ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ АЗИИ

Введение

Северо-восток Азии по сравнению с остальной частью Восточной Сибири продолжает оставаться слабо изученным в археологическом отношении районом. При этом он занимает огромную территорию, расположенную к востоку от Верхоянского хребта, который протянулся в широтном направлении на 1,2 тыс. км от дельты р. Лены до Охотско-Колымского нагорья и охватывает Индигирку, Колыму, Чукотку, Камчатку и Континентальное Приохотье (рис. 1). Важность исследований этой территории неоднократно отмечалась учеными. “Сейчас точно установлено, что кто бы ни были первые люди, заселившие Америку, откуда бы они не пришли, они прошли по краю или через этот регион” [Powers, 1973].

Регулярные исследования на этой территории были начаты в 1950-е гг. [Диков, 1979]. К настоящему времени здесь открыто всего несколько позднплейстоценовых памятников, причем не все достаточно убедительно документируются стратиграфически или радиоуглеродными датами. Вокруг этих памятников ведется активная дискуссия и высказываются подчас диаметрально противоположные мнения по поводу их происхождения и роли в формировании тех или иных этносов.

Несколько шире на рассматриваемой территории представлены комплексы раннеголоценового времени, хотя многочисленность материалов порождает много проблем и вопросов, на которые исследователи пока не могут дать однозначных ответов. Тем не менее благодаря открытию новых стоянок, сериям радиоуглеродных дат сейчас, по сравнению с 1960 – 1970 гг., когда было открыто и исследовано большин-

ство памятников, определивших общую схему развития каменного века Северо-Востока, некоторые моменты культурных процессов представляются более четко: выделены новые комплексы, уточнена роль открытых ранее.

В позднем плейстоцене на северо-востоке Азии выделяется несколько палеолитических культур, различающихся преобладанием в их каменной индустрии таких технологических традиций, как домикропластинчатая, микропластинчатая (с клиновидными нуклеусами и бифасами) и галечная. В раннем голоцене продолжают бытовать некоторые элементы этих технологических традиций, однако появляются и новые культуры, относимые к мезолиту или голоценовому (реликтовому) палеолиту. Главными критериями дифференциации этих эпох каменного века являются исчезновение культур с клиновидными нуклеусами и появление культур с коническими и призматическими нуклеусами [Там же; Мочанов, 1977]. Эпоха мезолита охватывает период от 10 – 9 тыс. до 6 тыс. л.н. и заканчивается с появлением керамики и массового использования шлифованных орудий, являющихся на северо-востоке Азии признаками неолита, хотя в других районах Восточной Сибири эти элементы появляются значительно раньше.

Позднеплейстоценовые комплексы

Безмикропластинчатая традиция

На рассматриваемой территории наиболее древними датированными по ¹⁴C являются материалы ранней ушковской верхнепалеолитической культуры из слоя

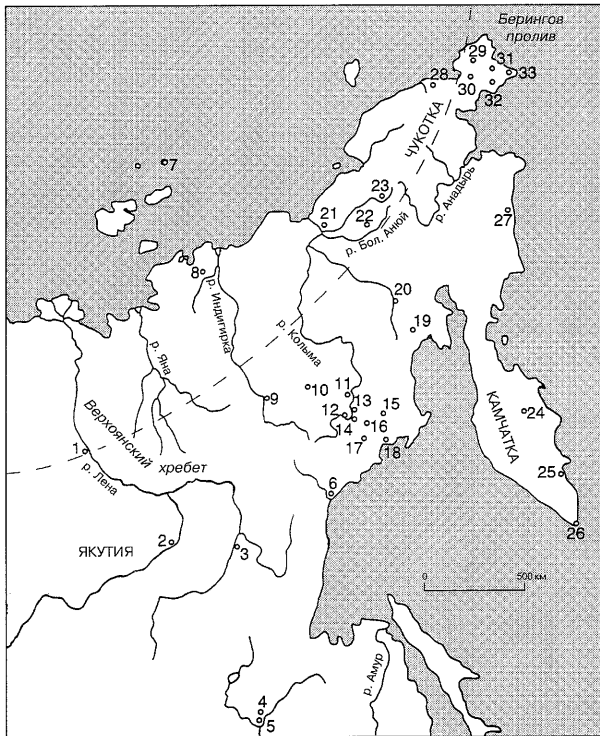

Рис. 1. Карта-схема расположения стоянок на северо-востоке Азии.

1 – Уолба; 2 – Дириг-Юрях; 3 – Дюктайская пещера; 4 – Селемджа; 5 – Филимошки; 6 – Кухтуй III; 7 – Жохово; 8 – Берелех; 9 – Юбилейный; 10 – Уи; 11 – Майорыч; 12 – Агробаза; 13 – Конго, Конго-78, ИНГ-78; 14 – Сибердик; 15 – Булонда; 16 – Хета; 17 – Малтан; 18 – Угтар; 19 – Дручак-Ветренный; 20 – Большой Эльгахчан; 21 – Пантеленха; 22 – Орловка; 23 – Тытыль; 24 – Ушки; 25 – Тарья; 26 – Лопатка; 27 – Инаськвваам; 28 – Кымынейкей; 29 – Ионивеам, Игельхвеам; 30 – Кымынанонвываам; 31 – Челкун; 32 – Курупка I, Чаатамье I; 33 – Путурак, Ульхум I.

VII стоянок на оз. Ушки (I, V) на Камчатке [Диков, 1993а] (рис. 1). С момента открытия в 1964 г. раскопано 2,1 тыс. м² их площади. Слой был зафиксирован на глубине около 2,1 – 2,3 м от поверхности в пачке озерных и пойменных отложений, перекрытых серией прослоек вулканического пепла. Жилища этой культуры, судя по следам углистости и обгоревшей костной массы, были наземными, площадью 40 – 100 м², округлой формы (в виде чума). Выявлено 11 углистых площадок, две из которых описаны Н.Н. Диковым как сдвоенные, хотя возможно, что это лишь наложение двух обычных жилищ. Очаги в виде мощного скопления углистости без обкладки камнями находились в середине жилищ.

Орудия из этого слоя изготавливались на отщепках. Здесь найдены бифасиальные черешковые наконечники (более 50 экз.) длиной до 5 – 6 см (рис. 2, 1, 2), листовидные бифасы, овальные и концевые скребки на отщепках, халцедоновые резцы, каменные бусинки и подвески.

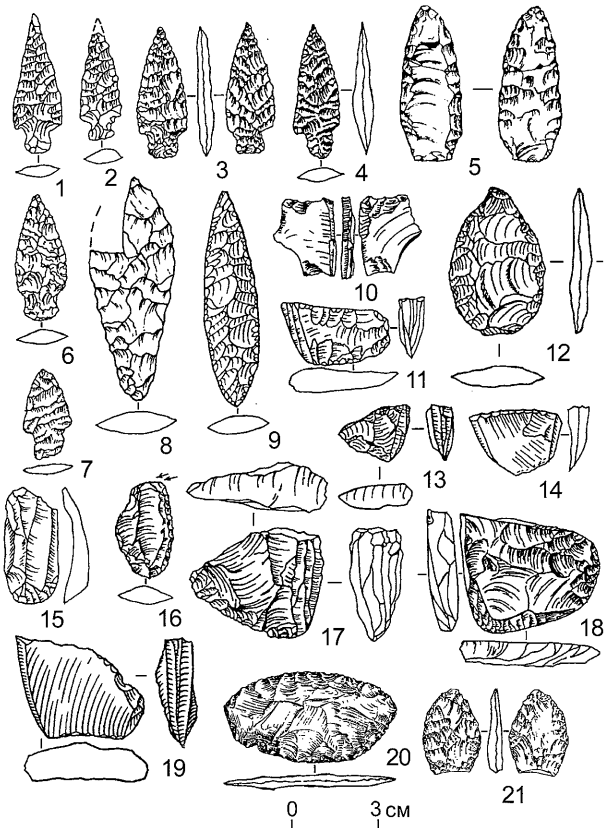

Рис. 2. Каменные орудия.

1, 2 – Ушки (слой VII); 3 – Сердык; 4 – Большой Эльгахчан; 5, 8 – Ушки; 6 – Авлондя; 7, 14, 15 – Ульхум; 9, 11 – Ушки (слой VI); 10, 21 – Берелех; 12, 13 – Хета; 16, 17 – Дручак-Ветренный; 18 – Майорыч; 19 – Курупка; 20 – Кухтуй III.

В слое было выявлено погребение, покрытое охрой, со множеством пирофилитовых бусинок и подвесок. Кости погребенного не сохранились. Радиоуглеродные даты слоя по углю: 14 300 ± 200 лет (МАГ-550) и 13 600 ± 250 лет (ГИН-167) [Там же].

Уникальность комплекса слоя VII вызывает много скептических замечаний, поскольку объяснить его происхождение и место в ряду позднеплейстоценовых культур Сибири сейчас сложно. По мнению ряда исследователей, слой стоянки смешаны [Мочанов, 1977; Kuznetsov, 1994]. Комплекс не рассматривается в региональных схемах по плейстоценовой истории Сибири [Derev'anko, 1990; Vasil'ev, 1993] или относится к финальной стадии дюктайской культуры [Larichev et al., 1992]. Предполагается, что в Сибири черешковые наконечники известны только со времени неолита, поэтому искать аналоги им следует в Америке и Японии [Палеолит СССР, 1984]. Нам довелось в течение нескольких сезонов участвовать в раскопках слоев VI – VII стоянки Ушки, поэтому

предположения о смешанности слоев считаю ошибочным. Действительно, черешковые наконечники не встречаются на плейстоценовых памятниках Сибири и Якутии, но они есть в Америке [Carlson, 1983], Японии [Keally, 1990] и датируются рубежом плейстоцена – голоцена и даже ранее; их происхождение там не более определено, чем ушковских, поэтому, мирясь с невозможностью на данный момент объяснить истоки комплекса, его необходимо воспринимать как факт.

С открытием в 1980 г. стоянки Большой Эльгахчан на р. Омолон (Чукотка) черешковые наконечники ушковского типа перестали быть необычными для Камчатки. На этой стоянке, по мнению исследователей, найдены материалы, относящиеся к ранней верхнепалеолитической ушковской культуре [Кирьяк, 1993; Диков, 1993а]. Для стоянки нет ^{14}C -дат. Орудийный комплекс данной стоянки действительно имеет достаточно много общих черт со слоем VII стоянки Ушки: черешковые наконечники (рис. 2, 4), овалы бифасы, скребки на отщепках. Они залежали в слое с криогенными нарушениями на глубине 12 – 60 см. В обоих комплексах – ушковском и эльгахчанском – отсутствуют микропластинки и клиновидные нуклеусы.

Н.Н. Диков [1993а, б] отнес к ушковским черешковым наконечникам подъемные материалы с чукотских стоянок Челкун II (отщепы подтреугольной формы) и Ульхум I (черешковый наконечник (рис. 2, 7) и несколько отщепов). Но это утверждение требует более аргументированных доказательств. Сейчас известны черешковые наконечники ушковского типа из подъемных сборов в Приохотье на стоянках Сердяк [Слободин, 1998, 1999] (рис. 2, 3) и Авлондя [Воробей, 1993] (рис. 2, б).

Материалы ранней верхнепалеолитической ушковской культуры не представляют технологию скалывания микропластинок с клиновидных нуклеусов, что явилось основанием включить его в группу стоянок с домикропластинчатой индустрией (Nenana Complex) в Берингии [Powers, 1990; Goebel et al., 1991]. Н.Н. Диков, усматривая сходство камчатских черешковых наконечников с подобными орудиями со стоянок Мармз Рокшелтер в Северной Америке, связывал слой VII стоянки Ушки с палеоиндейским заселением Нового Света. Он также предположил, что материалы из слоя VII являются результатом обратной миграции культур с черешковыми наконечниками из Америки в Азию [Диков, 1979]. Критические замечания по поводу этой гипотезы [Мочанов, 1982], судя по последним публикациям Н.Н. Дикова, заставили его отказаться от нее. Хотя это объяснение появления в Азии черешковых наконечников не выглядит странным, если серьезно отнестись к гипотезе проникновения желобчатых наконечников из заледнико-

вой Америки на Аляску [Clark, 1991], принадлежащей обширной Берингии, которая включает и территорию современной Камчатки.

Все больше оснований считать домикропластинчатый комплекс находок со стоянки Уптар [Slobodin, King, 1996]. Находки (рис. 2, 5, 8) на стоянке залегают под вулканическим пеплом, являющимся маркирующим хроностратиграфическим горизонтом в Северном Приохотье и на верхней Колыме и имеющим возраст $8\,350 \pm 85$ лет (WHG-936/AA6883) [Lozhkin et al., 1993]. Радиоуглеродная дата для стоянки – $8\,260 \pm 330$ лет (MAG-1262), вероятно, фиксирует время погребения уптарского комплекса пеплом, хотя патина, заглаженность на поверхности каменных орудий и следы эоловой коррозии позволяют предположить, что инвентарь до того, как его засыпало пеплом, долгое время пролежал на поверхности террасы.

Уптарские изделия представлены ножами-бифасами овальной формы, узкими листовидными наконечниками стрел, наконечниками копий с зауженным насадом, скребками и галечными орудиями. Один наконечник стрелы имеет характерный для палеоиндейских наконечников Северной Америки желобок с одной стороны вдоль корпуса от основания до острия [King, Slobodin, 1996; Слободин, Кинг, 1998]. Уптарский комплекс не имеет четких аналогий с известными культурами северо-востока Азии; вместе с тем он сходен с некоторыми орудиями осиповской культуры на Амуре, датируемой рубежом плейстоцена – голоцена [Derev'anko, 1990].

Галечная традиция

К галечной технологической традиции, датированной концом сартана, отнесены находки со стоянок Орловка II на Чукотке, Лопатка IV на Камчатке, а также из Восточной Чукотки. Особую актуальность эти материалы приобрели сейчас, после открытия и исследования стоянки Диринг-Юрх в Якутии.

Стоянка Орловка II расположена на 120-метровом террасовидном уступе сопки на левом берегу р. Орловки (приток р. Верх. Анюй). Одни находки (крупные гальки) собраны с поверхности вместе с неолитическими материалами, другие залежали в слое (были погребены) до глубины 10 см. Комплекс состоит из галечных орудий, среди которых два нуклеуса для снятия пластинок, пластинчатые отщепы, чоппер, скребки, резцы из аргилита и диабазы (рис. 3, 1 – 5). Радиоуглеродной даты для стоянки нет, стратиграфическая ситуация неопределенная. Рассматривая широкий круг аналогий с галечными орудиями Якутии, Монголии, Дальнего Востока и Аляски, М.А. Кирьяк [1985] отмечает сходство орловских находок с комплексами южно-сибирского палеолита.

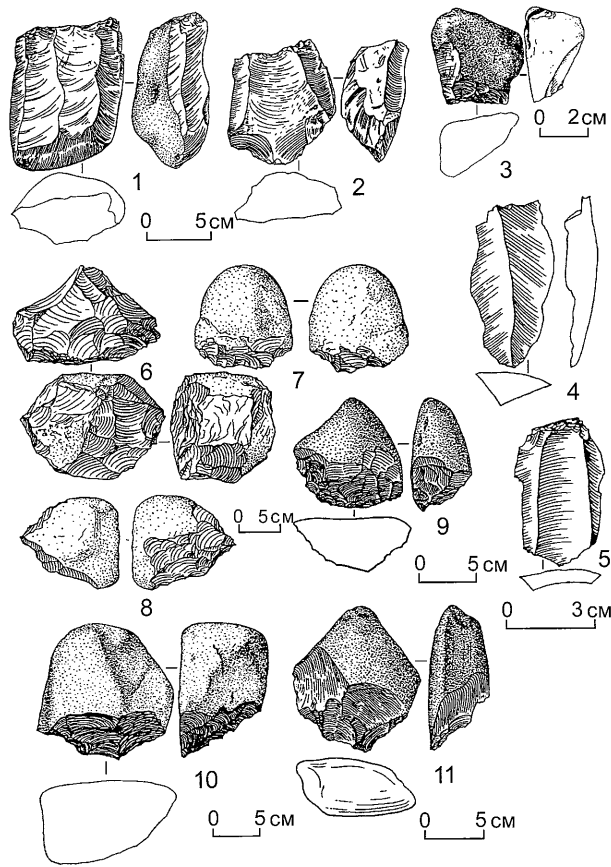

Рис. 3. Каменные орудия.
1 – 5 – Орловка II; 6 – 8 – Лопатка IV;
9, 11 – Сибердик; 10 – Конго.

Стоянка Лопатка IV расположена на м. Лопатка на южной оконечности п-ова Камчатка. На ней выявлено большое скопление каменных материалов разного времени, преимущественно подъемных [Дикова, 1983]. Картирование находок позволило выделить скопление 3, материалы которого были отнесены к палеолиту. Поверхность мыса высотой 8 – 10 м над ур. м. покрыта песчаными дюнами. Сильный постоянный ветер и морские шторма разрушают его поверхность. Часть материалов получена из переотложенного поверхностного слоя песка. Изделия изготовлены главным образом из андезитово-базальтовых и кремневых галек, взятых с морского побережья. Орудийный набор включает галечные нуклеусы для получения отщепов, чоппинги, чопперы, массивные унифасиальные скребла и ножи на первичных отщепах, ретушированные отщепы и, возможно, найденные в слое наконечники на отщепах подтреугольной формы с краевой обработкой (рис. 3, 6 – 8). По мнению Т.М. Диковой, комплекс представляет галечную традицию, характерную для зоны сибирско-монгольского палеолита. Отдельные артефакты (скребла, чопперы и чоппинги), на ее взгляд, имеют сходство с подобными изделиями палеолитических галечных

индустрий Вьетнама (Хаобинь), Японии (Фудзияма, Содзюдай, Гонгэнъяма, Ивадзюку), северо-востока России (Сибердик) и свидетельствует о “миграции палеолитического человека в позднем плейстоцене из Азии в Америку по островам Тихого океана” [Там же]. Эти выводы нуждаются в подтверждении более четкими данными о стратиграфическом положении и дате комплекса.

Н.Н. Диков [1979] проводил аналогии между дальневосточными галечными орудиями и чопперами со стоянок Лопатка IV на Камчатке и Сибердик, Конго (сибердиковская культура) (рис. 3, 9 – 11) на верхней Колыме. Дальнейшие следы этой традиции он прослеживал в материалах комплекса Пасика (Pasika) на р. Фрэзер в Британской Колумбии (Канада). Однако по раннеголоценовым датам, микропластинкам и бифасиальным орудиям сибердиковской культуры им было сделано заключение, что на верхней Колыме были найдены остатки реликтового галечного палеолита. Реально датированных галечных плейстоценовых комплексов на северо-востоке Азии пока нет.

К стадии до наконечников (28 – 20 тыс. л.н.) отнесены подъемные и не датированные по ^{14}C материалы стоянок Кымъынанонвываам IX, XII, XIII на Чукотском п-ове [Диков, 1993б]. Н.Н. Диков выделил среди находок скребла и рубила. Основанием для датировки послужили результаты сопоставления этих находок с орудиями со стоянок Диринг-Юрях, Филимошки и Кумары. Следует отметить, что стоянки расположены на месторождении кремня низкого качества и вполне возможно эти изделия являются лишь отходами заготовки сырья, вероятнее всего, в значительно более позднее время, чем предполагается.

Микропластинчатая традиция

С конца плейстоцена на северо-востоке Азии распространяется микропластинчатая индустрия (МПИ) с клиновидными нуклеусами и бифасами. Возникновение ее в Сибири относится к рубежу каргинской и сарганской эпох [Derev'anko, 1990]. В Якутии некоторые памятники дюктайской культуры с микропластинками датируются по ^{14}C временем до 32 тыс. л.н. [Мочанов, 1977], но большинство исследователей считает, что дюктайская культура не древнее 22 – 23 тыс. лет [Диков, 1979; Derev'anko, 1990] и даже моложе [Yi, Clark, 1985]. Эти даты устанавливают нижний предел времени распространения МПИ на северо-востоке Азии. Предполагается, что происхождение дюктайской культуры связано с миграциями древних популяций с Селемджи и Зеи (правые притоки р. Амур) на Алдан [Derev'anko, 1990]. Дюктайской культуре в формировании МПИ на Северо-Востоке и Аляске отводится определяющее значение

[Powers, 1990], хотя существенную роль в этом процессе, на наш взгляд, играли дальневосточные и японские МПИ [Васильевский, Гладышев, 1989; Кузнецов, 1992]. Исчезает дюктайская культура в Якутии 11 – 10,5 тыс. л.н. [Мочанов, 1977]. К этому времени относится распространение МПИ к востоку от Верхоянского хребта.

Памятники с МПИ и клиновидными нуклеусами представлены на Северо-Востоке несколько лучше домикропластинчатых индустрий и галечных комплексов. Ю.А. Мочанов [Там же] называет их стоянками дюктайской культуры. Н.Н. Диков [1993б], в общем признавая влияние дюктайской культуры на северо-восток Азии и Аляску, выделил позднюю палеолитическую ушковскую культуру, представленную слоем VI Ушковских стоянок. По его мнению, лишь небольшие популяции представителей дюктайской культуры в конце плейстоцена проникли по Северу на Чукотку и далее на Аляску, подтверждением чего является стоянка Курупка I на Чукотке [Там же].

Микропластинчатые комплексы с клиновидными нуклеусами выделены исследователями на стоянках Ушки I – VI (слой VI), Хета, Майорыч, Берелех, Дручак-Ветренный и ряде чукотских местонахождений.

Подъемные находки с “предположительно палеолитической” стоянки Майорыч с верхней Колымы датированы в широком хронологическом диапазоне (23 – 12 тыс. л.н.) [Мочанов, 1977]. Находки представлены ретушированными отщепом и пластиной, а также обломком бифаса (см. рис. 2, 18), являющимся, по предположению Ю.А. Мочанова, совершенно не сработанным клиновидным нуклеусом, что представляется нам маловероятным. Малодиагностичный орудийный набор, отсутствие стратиграфии и результатов радиоуглеродных датировок не позволяют считать эту стоянку свидетельством распространения дюктайской культуры по Северо-Востоку. Тем более нет оснований говорить о ее раннесартанском возрасте. Значительно более диагностичный орудийный комплекс на верхней Колыме получен со стоянки Хета (см. рис. 2, 12, 13). В нем представлены подобный ушковским и дюктайским клиновидный нуклеус, выполненный в технике юбетсу, лыжевидный скол, микропластинки, листовидные и овальный бифасы, концевые скребки, резец и подвески. Находки залегали в позднплейстоценовых отложениях, перекрытых раннеголоценовой тефрой [Slobodin, King, 1996; Слободин, 1999].

Исключительно важными в реконструкции культурных и технологических связей на севере Дальнего Востока представляются материалы стоянки Дручак-Ветренный в Континентальном Приохотье. Найденный здесь комплекс (см. рис. 2, 16, 17) с клиновидными нуклеусами, бифасиальными наконечниками, концевыми скребками, трансверсальными

резцами, определяющий линию развития дальневосточного палеолита, пока единственный на северо-востоке Азии. Культуросодержащие отложения стоянки нарушены криотурбационными и солифлюкционными процессами, что, видимо, отразилось на результатах спорово-пыльцевого и радиоуглеродного анализов, давших раннеголоценовый возраст отложений – $7\,790 \pm 250$ л. (ЛЕ-4711) и 5120 ± 189 л. (ЛЕ-4712) [Воробей, 1996]. Технично-типологические характеристики комплекса позволяют говорить о его позднплейстоценовом возрасте, возможно, даже более древнем, чем возраст стоянок Ушки (слой VI) и Хета.

Вероятно, наиболее ранним микропластинчатым комплексом на Северо-Востоке является стоянка Берелех в низовьях Индигирки, для которой получено несколько радиоуглеродных дат в интервале 10,6 – 13,4 тыс. л. [Мочанов, 1977]. Однако стратиграфия стоянки, нарушенная криогенными процессами и оползнями, допускает возможность переотложения находок, что косвенно подтверждается широким диапазоном ^{14}C -дат. Нет определенности и в оценке орудийного набора, часть которого собрана с поверхности стоянки. В раскопе найдены немногочисленные отщепы, некоторые из них ретушированы, четыре пластины, фрагменты бифасиальных ножей (см. рис. 2, 21) и наконечников, а также долотовидные орудия. Описаны также ножи и листовидный наконечник, выполненные из обломков бивней и костей мамонта и ретушированные наподобие каменных, по краю. Отдельные находки – подъемный материал. Микропластинки представлены слабо. К клиновидным нуклеусам отнесены два нетипичных изделия, одно из которых впоследствии определили как резец (см. рис. 2, 10), а второе перестали рассматривать среди нуклеусов [Mochanov, Fedoseeva, 1996]. Эта неопределенность дала основание включить стоянку Берелех в число домикропластинчатых комплексов Берингии [Goebel et al., 1991]. Позже [Mochanov, Fedoseeva, 1996] к орудийному комплексу стоянки Берелех были отнесены новые находки, в т.ч. клиновидный нуклеус и бифас каплевидной формы, найденные на берегу реки. В 48 км от стоянки обнаружен обломок бивня с выгравированным на нем изображением мамонта [Там же].

Невызывающие сомнения, хорошо датированные и четко стратифицированные материалы получены из слоя VI стоянки Ушки I на Камчатке [Диков, 1979]. Они датируются по радиоуглероду в диапазоне 10 300 – 10 800 л.н. и содержат клиновидные нуклеусы, ножевидные пластинки, лыжевидные сколы, угловые резцы, листовидные и овальные ножи-бифасы, концевые скребки, калибровочные плитки, лабретки, подвески (см. рис. 2, 9, 11). Нуклеусы изготовлены в технике юбетсу. Сообщается о нуклеусах хороко, но на

иллюстрациях они не представлены. В комплексе орудий стоянки имеются клиновидные бифронтальные нуклеусы и редко грубые призматические и конические нуклеусы. Н.Н. Диков указывал на технологическую преемственность между слоями VI и VII [Там же], что представляется сомнительным ввиду значительного хронологического промежутка и большого количества технико-типологических различий между ними.

Находки концентрировались на стоянке вокруг очагов в наземных и углубленных (до 0,5 м от поверхности слоя) жилищах округлой формы с коридором. Их площадь достигала 48 м². В жилищах найдены несколько кладов с орудийными наборами и заготовками орудий, захоронение собаки, а также, судя по зафиксированному там зубам, два захоронения детей. Кроме многочисленных подвесок, орудий, обильно засыпанных охрой, среди находок были зубы с подточенными корнями и тонкими просверленными отверстиями [Диков, 1993а].

До 1993 г. Н.Н. Диков рассматривал материалы слоя VI ушковских стоянок как свидетельство формирования в Западной Берингии протоэскимосоалеутской культуры, но после открытия на Чукотке раннеголоценовой стоянки Путурак он изменил свои взгляды и поддержал гипотезу о том, что вторая миграция древнего населения из Азии в Америку, к которой он отнес носителей культуры слоя VI стоянки Ушки, является предками атапасков (надене) [Там же].

Несколько стоянок на Чукотке на основании типологического сходства и по результатам сопоставления с материалами ушковской (слой VI) и дюктайской культур определены как палеолитические [Диков, 1993а, б]. Ни одна из этих стоянок не датирована по радиоуглероду и не имеет стратиграфической привязки. На юге Чукотки в их ряду – стоянка Инаськваам II. Здесь обнаружены отщепы, пластинчатые сколы, унифасиально ретушированная пластина, клиновидный нуклеус и фрагмент бифасиального метательного наконечника. Клиновидный нуклеус, как следует из описания [Диков, 1993б], очень мало напоминает типичные клиновидные нуклеусы и свидетельствует о деградации этой техники. Фрагмент бифаса и ретушированная пластина не обладают специфическими чертами, по которым выявляется сходство между ними и ушковскими орудиями.

В западной части Чукотского п-ова у г. Кименеки из геологического керна в морене получены материалы, описанные как клиновидный нуклеус и отщепы [Лаухин, Дроздов, 1989]. Общий вид находок вызывает сомнение в такой интерпретации. Возраст находок и слоя, в котором они залежали, определен в 30 тыс. л.н. по аналогии с материалами со стоянок Ихине и Усть-Миль (дюктайская культура) в Якутии.

На самом Чукотском п-ове в непосредственной близости от Берингова пролива найдены стоянки Курупка I, Ульхум, Чаатамье и Кымьынанонвываам VII, VIII, XIV, Ионивеем, Игельхвеем, расположенные на речных террасах. Здесь получены преимущественно подъемные материалы.

На стоянке Курупка I на поверхности найдены многочисленные отщепы, микропластинки, фрагменты бифасов, концевые и боковые скребки, конические, клиновидные и призматические нуклеусы, изделия на отщепе с трансверсальными сколами [Диков, 1993а, б]. Последние охарактеризованы как клиновидные нуклеусы (см. рис. 2, 19), причем оговорено, что они имеют архаичный вид. Эти артефакты сопоставляются с ушковскими и эжанскими нуклеусами. Из шурфа, заложенного на стоянке, получено несколько каменных изделий, в том числе фрагменты орудий на плитках с краевой бифасиальной обработкой и отщеп с продольным и поперечным сколом, описанный как клиновидный нуклеус [Там же].

На стоянке Ульхум найдены конические и призматические нуклеусы, фрагменты бифасов, концевые скребки на пластинах и два нуклеуса, охарактеризованные как клиновидные (см. рис. 2, 14, 15), но проведенные на стоянке раскопки не дали диагностического материала [Диков, 1993б].

Со стоянки Чаатамье I среди отщепов, пластин и фрагментов неопределенных орудий описан нуклеус на плитке кварца [Там же].

Среди находок со стоянок Кымьынанонвываам VII, VIII, XIV описано несколько малодиагностичных нуклеусов, отнесенных к палеолиту [Там же]. Материалы с других Чукотских стоянок [Там же], датированные палеолитом, малодиагностичны.

Материалы многослойной стоянки Кухтуй III, расположенной на левом берегу в устье р. Кухтуй [Мочанов, 1977], не имеют четкой культурно-хронологической интерпретации. Находки, отнесенные к дюктайскому комплексу, – два овальных бифаса (см. рис. 2, 20), наконечник подтреугольной формы, ретушированные отщепы, фрагмент и заготовка орудий – залежали в основании одного стратиграфического слоя с неолитическими находками. Слой имеет криогенные нарушения. Для него получена ¹⁴C-дата – 4 700 ± 100 лет (LE-995). Часть находок, включенная в дюктайский комплекс, собрана на поверхности террасы. Первоначально стоянка была датирована раннесартанским временем и объединена в группу со среднедюктайскими по возрасту (17 – 18 тыс. л.) стоянками Ихине и Верхнетроицкая [Мочанов, 1976; West, 1981]. Ю.А. Мочанов, возможно, под влиянием критики, которой подверглись его взгляды на роль дюктайских материалов в процессе происхождения палеоиндейцев, культурные комплексы которых не

содержат МПИ [Hauney, 1982; Абрамова, 1973], пришел к выводу о необходимости поиска на северо-востоке Азии дюктайской стоянки без микропластинок и нуклеусов – такой, как Кухтуй III, где есть бифасы и нет МПИ [Мочанов, 1977]. Ее возраст был омоложен, а культурная принадлежность отнесена к позднедюктайской субтрадиции без микропластинок и клиновидных нуклеусов. Эта гипотеза, слабо подтвержденная археологическим материалом, одними исследователями [Kozłowski, Bandi, 1984] была принята, другими отвергнута. Н.Н. Диков [1979] по типологии и датировке сопоставил кухтуйский комплекс с материалами голоценовой стоянки Малтан, а А.И. Лебединцев [1990] установил сходство кухтуйского комплекса с токаревской неолитической культурой северного побережья Охотского моря.

Раннеголоценовые комплексы

На рубеже плейстоцена и голоцена на северо-востоке Азии произошли существенные изменения в климате и вследствие этого в животном и растительном мире. Мамонтная фауна исчезла, и основным объектом охоты человека стали олень и лось. Вероятно, это явилось причиной исчезновения на территории Якутии дюктайской культуры и распространения сумнагинской (финальнопалеолитической или мезолитической). Сумнагинская культура просуществовала здесь с 10,5 тыс. до 6 тыс. л.н. Предполагается, что она получила распространение на всем северо-востоке Азии, в том числе на Охотском побережье, Камчатке и Чукотке [Мочанов, 1977]. Инвентарь сумнагинцев включал конические и призматические нуклеусы, концевые скребки на пластинах и угловые резцы на пластинках, вкладыши, ножи на пластинах, пазовые костяные орудия, двустороннеобработанные рубящие орудия. В целом, на всем Северо-Востоке в раннем голоцене происходила смена культурных традиций: материальные комплексы, сочетающие бифасы и клиновидные нуклеусы, сменялись комплексами, основанными на скалывании ножевидных пластинок с конических и призматических нуклеусов, при полном отсутствии керамики и шлифованных орудий. Несомненно, за археологической культурой, распространившейся по обширной территории, стоят различные этнические группы, поэтому будет более корректным и точным говорить о сумнагинской традиции, представленной различными локальными комплексами или культурами в разных регионах Северо-Востока.

На нижней Колыме к сумнагинской традиции отнесены преимущественно подъемные материалы со стоянок Пантелеиха I – VIII и Пирс [Там же], хотя в некоторых случаях основанием для выделения раннеголоценовых памятников служили одиночные на-

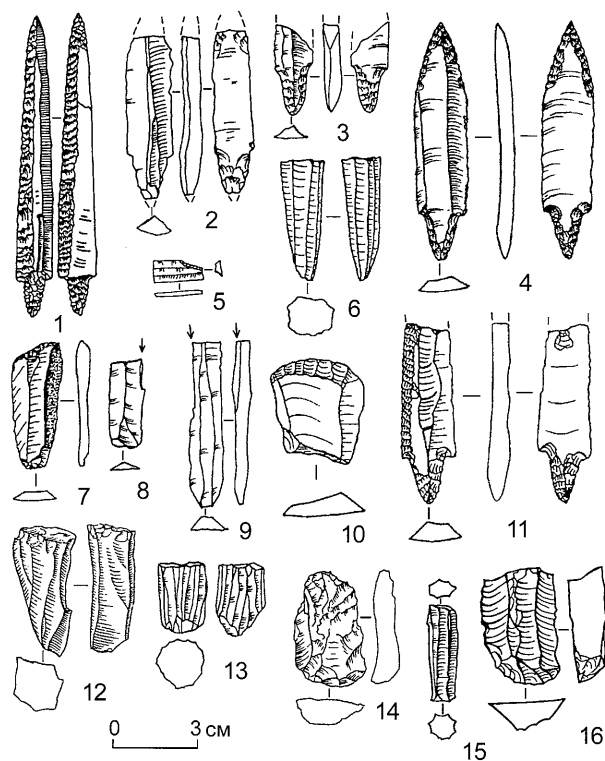

Рис. 4. Каменные орудия.

1 – Уолба; 2 – Юбилейный; 3 – Усть-Белая; 4 – ИНГ-78;
5, 6, 9 – 11 – Уи; 7, 8 – Буянда; 12 – 14 – Путурак;
15, 16 – Тытыль I – III.

ходки – микропластинки, призматические и конические нуклеусы или концевые скребки на пластинах, не менее характерные и для неолита.

На Западной Чукотке с сумнагинской традицией ассоциируются находки (главным образом подъемные и не датированные по радиоуглероду) со стоянок Тытыль I – III (рис. 4, 15, 16), расположенных на берегу одноименного озера [Диков, 1979]. Отмеченное своеобразие тытыльского комплекса не достаточно для выделения локального варианта сумнагинской традиции, поскольку подъемные сборы не позволяют гарантировать культурную однородность коллекции; кроме того, выделенные элементы (диагональные резцы и рукояточный (?) скребок) [Кирияк, 1993] единичны. Более документированные следы этой традиции отмечены в Восточной Чукотке на стоянках Аччен и Челкун IV [Диков, 1993б]. Из культурного слоя пока единственной датированной по радиоуглероду ($8\ 150 \pm 450$ лет (MAG-719)) раннеголоценовой стоянки Чукотки Челкун IV с глубины 40 см получены призматические нуклеусы, микропластинки, резцы на пластинках [Диков, 1993а]. В отличие от стоянок Тытыль I – III здесь не найдено концевых скребков, что можно объяснить функциональной направленностью стоянки как охотничьего лагеря.

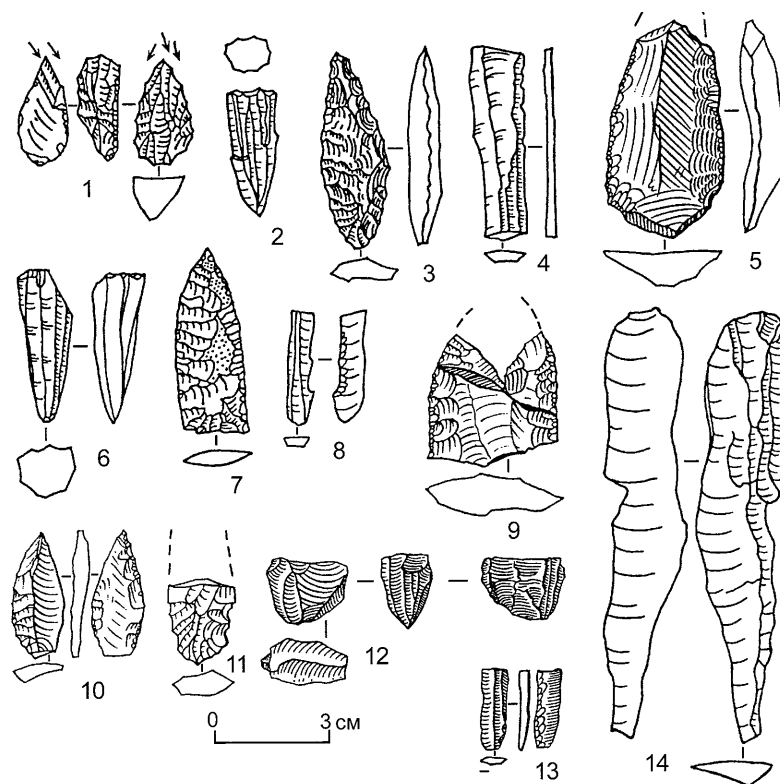

Рис. 5. Каменные орудия.
1 – 4 – Конго; 5 – 8, 14 – Малтан; 9 – 13 – Сибирдик.

Для определения своеобразия чукотского мезолита Н.Н. Диков [Там же], опираясь на материалы стоянки Путурак (рис. 4, 12 – 14), обосновывал существование в раннем голоцене Чукотки путуракской культуры. Стоянка расположена на перевале в 15 км от побережья Берингова моря. Находки были получены с поверхности перевала и в ходе раскопок с глубины до 60 см. Большая мощность отложений, не характерная для стоянок Чукотки, объясняется, на наш взгляд, присклоновым расположением стоянки. Н.Н. Диков дает описание нескольких хозяйственных комплексов, связанных с углистыми пятнами, углублениями и каменными конструкциями в виде кольцевых очагов. Однако следует учесть, что в разрезе объекта находки залегают уже в поверхностном слое, что в совокупности с анализом стратиграфии стоянки позволяет предположить сильное воздействие на культурный слой стоянки криотурбационных процессов. Не исключены и склоновые процессы, о чем свидетельствует разнос подъемного материала по поверхности перевала. Несмотря на наличие углистых прослоек, ^{14}C -даты для стоянки не получены. Характеризуя материалы путуракской культуры, Н.Н. Диков выделял протопутуракский этап с грубыми подпризматическими нуклеусами, бифасами и остроконечниками, напоминавшими ему леваллуазские изделия из Центральной Азии и с Алтая. Собственно

путуракская культура характеризовалась им грубопластинчатой технологией, основанной на подпризматических нуклеусах. Орудия представлены ножами и концевыми скребками на пластинах. Предполагается, что часть приостренных пластин использовалась в качестве наконечников или их заготовок. Путуракский комплекс в отличие от других раннеголоценовых комплексов, в частности сумнагинского, как отмечал Н.Н. Диков, характеризуется “грубостью выделки” и “почти полным отсутствием резцов”. При этом он подчеркивал, что Путурак являлся мастерской, где в работу “шел плохого качества, сравнительно мягкий... кремнистый сланец”. На наш взгляд, именно этим и объясняется своеобразие Путурака. Грубые нуклеусы и пластины являлись отходами производства или заготовками, доработка которых производилась вне мастерской. Косвенно это подтверждается небольшим количеством скребков и отсутствием резцов на стоянке. Микропризматическая технология представлена здесь вполне определенно, это хорошо видно на иллюстрациях. Выделение культуры на материалах мастерской, с нашей точки зрения, требует большей аргументации, нежели была представлена. Нет никаких оснований (хронологических или типологических) относить стоянки Тытыль I – III к путуракской культуре, как это предполагается [Кирыак, 1993].

Примером локального и весьма своеобразного раннеголоценового комплекса высокоширотной Арктики является стоянка Жохово, расположенная на одноименном острове в группе Новосибирских островов [Питулько, 1998]. По серии ^{14}C -дат находки относятся к 7,8 тыс. – 8 тыс. л.н. Так же, как и в сумнагинской культуре, на Жохово представлены микропластинки и призматические нуклеусы при отсутствии бифасиальных орудий. На стоянке сохранились обоюдоострые и односторонние вкладышевые орудия с основой из рога оленя, бивня мамонта и клыка моржа, а также предметы быта и охотничьего снаряжения из кости и дерева. В орудийном наборе Жоховской стоянки, в отличие от сумнагинского, отсутствуют концевые скребки, но имеются шлифованные тесла, которые появились в Якутии около 6 тыс. л.н. Самая ранняя находка – тесло со шлифованным лезвием со стоянки Усть-Тимптон в Якутии, имеет возраст 7 тыс. л. [Мочанов, 1977].

В раннем голоцене на верхней Колыме выделяется сибердиковская культура [Диков, 1979], представленная стоянками Конго (нижний, верхний слой) и Сибердик (нижний слой). Н.Н. Диков объединил эти стоянки в одну финальнопалеолитическую культуру по наличию в их комплексах галечных орудий, хотя они характерны также для дюктайской и сумнагинской культур. Ранний комплекс культуры из нижнего слоя стоянки Конго датирован по радиоуглероду $9\,470 \pm 530$ лет (КРИЛ-314) и содержит конический нуклеус, микропластинки, чопперы и ладьевидное изделие (рис. 5, 1 – 4), сопоставимое с подобным из слоя IV стоянки Усть-Тимптон (сумнагинская культура) в Якутии. На более позднем этапе сибердиковской культуры (нижний слой стоянки Сибердик ($8\,480 \pm 200$, $8\,020 \pm 80$ лет (КРИЛ-249, 250)) и верхний слой стоянки Конго ($8\,655 \pm 220$ лет (МАГ-196)) появляются один, весьма невыразительный, предположительно клиновидный нуклеус, фрагменты бифасиальных наконечников и ножей, концевые и боковые скребки (рис. 5, 5, 9 – 13). Описание материалов стоянок и стратиграфии даны обобщенно [Там же], что привело к разночтениям в определении слоев на стоянке Конго и принадлежности по слоям наконечников на стоянке Сибердик.

Н.Н. Диков считал, что сибердиковская культура “противостоит” на Колыме сумнагинской и дюктайской [Там же], хотя при этом отмечал ее сходство с последней и с ушковской (слой VI). Дж. Козловский и Г. Банди [Kozlowski, Bandi, 1984] считают, что Сибердик представляет первую волну переселенцев, адаптировавшихся к условиям Азиатского Крайнего Севера после исчезновения здесь мамонтов. Признаки адаптации при этом не определены. Сибердикский орудийный набор больше похож на дюктайский, нежели на сумнагинский, более компактный и приспособ-

ленный для длительных миграций при охоте на оленей и лосей в тундре и тайге. Образцом такой приспособленности служит Жохово – самая северная голоценовая стоянка Арктики. Обнаруженный здесь небольшой по количеству, объему и весу набор каменных предметов обеспечивал существование группы охотников в суровых условиях Севера. Мало обосновано сравнение “сибердиковских унифасиальных наконечников” (которых нет в Сибердике) с японскими, равно как и включение стоянки в состав памятников, представляющих тихоокеанскую приморскую традицию [Там же].

Продолжение развития сибердиковской культуры на верхней Колыме Н.Н. Диков [1979] видел в малтанском комплексе, представленном нижним слоем стоянки Малтан, для которого получена дата $7\,490 \pm 70$ л.н. (МАГ-183). Орудийный комплекс стоянки включает конические нуклеусы, микропластинки, бифасиальные ножи, наконечники треугольной формы, резцы и скребки на отщепках, ретушированные тесла (рис. 5, 5 – 8, 14). Наконечники собраны на краю террасы и предположительно отнесены к нижнему слою. Проведенные дополнительные исследования на стоянке показали сильное нарушение культурного слоя (слоев?) стоянки криотурбационными процессами и позволили получить радиоуглеродные даты по образцам из основания культурного слоя, содержащего микропластинки (с глубины 25 – 28 см – $4\,012 \pm 102$ лет и с глубины 20 – 22 см – $2\,514 \pm 76$ лет (DRI-3285, 3286)) [King, 1997]. Общих черт между сибердиковским и малтанским комплексами мало, поэтому рассматривать последний как мезолитический, продолжающий линию развития сибердиковской культуры и служащий “заслоном сумнагинской культуры на Колыме”, нет оснований. Материалы малтанского комплекса имеют сходство с неолитическими культурами верхней Колымы.

В настоящее время с уверенностью можно сказать, что носители сибердиковской культуры, если таковая существовала на верхней Колыме, не противостояли общностям с иными культурными традициями, распространявшимися на этой территории в раннем голоцене. Об этом свидетельствуют материалы открытых и исследованных в этом районе буюндинского и уолбинского комплексов, которые, несмотря на принадлежность к одной эпохе и территории, отличаются друг от друга.

Буюндинский комплекс представлен стоянками Буюнда III, Уртычук IV, Джугаджака I (пункт А), IV и др. Их материальные комплексы характеризуются абсолютным преобладанием в каменном инвентаре конических и призматических нуклеусов, пластин и изделий на микропластинках (вкладышей), унифасиально обработанных по краям с дорсальной или вентральной сторон, угловых резцов, концевых скребков,

вкладышей со скошенным ретушью краем (см. рис. 4, 7, 8). На стоянке Буюнда III найдено бифасиально обработанное тесловидное орудие. Здесь же на глубине 60 – 80 см от дневной поверхности раскопан выложенный камнями очаг округлой формы. Жилище в виде чума было, по-видимому, наземным или слегка углубленным (использовалось естественное углубление микрорельефа). В очаге сохранилась обгорелая береста. По углю из него получена серия дат, большинство которых укладывается в промежуток 8 135 – 7 510 л.н. (GX-17064, 17065). Расположение стоянок на перевалах в пределах Охотско-Колымского водораздела свидетельствует о преобладании охотничьего уклада в хозяйстве их обитателей. По облику каменный инвентарь четко отличается от сибирдикского и малтанского комплексов и по многим параметрам соответствует сумнагинской культуре.

Иную раннеголоценовую традицию северо-востока Азии представляют материалы стоянок Уолба [Okladnikov, 1970], Юбилейный, Кухтуй II [Мочанов, 1977], Усть-Белая [Диков, 1979], Уи, Инг-78, Конго-78, Агробаза II и Придорожная, расположенных по берегам крупных рек и озер Северо-Востока и объединенных в уолбинский комплекс [Слободин, 1995, 1999]. Выразительной особенностью этих раннеголоценовых памятников являются пластинчатые черешковые наконечники (см. рис. 4, 1, 4, 11). Культурные комплексы с этими наконечниками не укладываются в классическую схему эволюции культур каменного века Якутии [Мочанов, 1977]. Касаясь проблемы пластинчатых наконечников Северо-Востока, Ю.А. Мочанов указывал на их несомненно раннеголоценовый возраст. А.П. Окладников сопоставлял уолбинские наконечники по времени существования с китайским этапом неолита Прибайкалья [Okladnikov, 1970]. По уточненной радиоуглеродной шкале возраста прибайкальских культур это VI тыс. до н.э. [Мамонова, Сулержицкий, 1989], что соответствует радиоуглеродным датам, полученным по образцам со стоянок Уи на верхней Колыме, – 8 370 ± 190, 8 310 ± 340 лет (ЛЕ-3990, 4652), 8 695 ± 100, 8 810 ± 35 лет (GX-17066, 17067). Пластинчатые черешковые наконечники представлены на этих стоянках устойчивой серией орудий с различной обработкой: от имеющих только приостренный черешок и острие до наконечников, полностью покрытых тонкой отжимной ретушью, подтреугольных в сечении, с тщательно выделенным черешком. В комплекс орудий входят также бифасиально обработанные наконечники, концевые скребки, резчики, боковые резцы и проколки на пластинах, ножи на пластинах и нешлифованные тесла (см. рис. 4, 5, 6, 9, 10). Микропластинки со скошенным краем указывают на существование вкладышевых орудий. Возраст уолбинского комплекса предварительно определяется в пределах VII – V тыс. до н.э.

На Камчатке, как известно только по материалам слоя V ушковских стоянок, в начале голоцена продолжала существовать ушковская поздняя верхнепалеолитическая культура в своей финальной стадии. Ее возраст по радиоуглероду $8\,790 \pm 150$ лет (MAG-213). Орудийный набор остался в основном тем же, что и в слое VI, лишь клиновидные нуклеусы стали ретушировать по отжимной площадке [Васильевский, 1973; Диков, 1979]. Затем в последовательности ушковских комплексов отмечается пробел в более чем 4 тыс. лет между раннеголоценовым слоем V и слоем IV, имеющим возраст $4\,200 \pm 100$ лет (MAG-132). Это единственная дата для слоя требует перепроверки, т.к. для материалов с Южной Камчатки, сопоставимых с комплексом из слоя III стоянки Ушки, получена дата $6\,180 \pm 60$ лет (ГИН-8144а) [Пономаренко, 1996]. По палинологическим данным слою IV соответствует значительно большая облебенность, чем лежащим ниже слоям V – VII, свидетельствующим о тундровой растительности. Именно этим и объясняется сокращение площади ушковских стоянок начиная со слоя IV [Диков, 1979]. Этим же, т.е. сменой ландшафта как следствием климатических изменений, можно, по-видимому, объяснять и перерыв в мезолите Камчатки. Этому перерыву, как предположил Н.Н. Диков [1977] в специальной работе по мезолиту Камчатки, на Алдане соответствует сумнагинская культура, “сыгравшая определенную роль в происхождении” позднемезолитических или раннеолитических слоев IV и III стоянки Ушки. Опираясь на этот вывод, Ю.А. Мочанов [1977] включил Камчатку в ареал сумнагинской культуры. Достаточных оснований для этого нет, поскольку культурные слои III, IV стоянки Ушки содержат, помимо микропластинок, концевых скребков, срединных и боковых резцов на пластинках, конических и призматических нуклеусов, общих для сумнагинской культуры, бифасиальные ножи, трехгранные и ромбовидные в сечении черешковые наконечники [Диков, 1979], что совершенно не характерно для этой культуры.

По мнению Н.Н. Дикова [Там же], малтанский комплекс “вполне мезолитический и в технико-типологическом отношении вполне укладывается в интервале между финальнопалеолитическим слоем V и раннеолитическим слоем IV” стоянки Ушки. С нашей точки зрения, подобное заполнение лагун в культурно-хронологической периодизации каменного века Камчатки не достаточно обоснованно, поскольку материалы малтанского комплекса не находят прямых аналогий в каменном инвентаре стоянки Ушки.

Заключение

Рассмотренные материалы позволяют сделать вывод о том, что галечные комплексы северо-востока

Азии (Орловка II, Лопатка IV, Сибердик) до сих пор не имеют достоверных дат и могут рассматриваться только в качестве гипотетического этапа развития каменного века региона в плейстоцене. Сибердикская культура, если и существовала, как предполагается [Там же], в позднем плейстоцене на Колыме, не препятствовала распространению в восточном направлении культурных влияний с Амура, Приморья и Якутии. Не ясны связи северо-восточных галечных комплексов [Там же] с традицией галечных орудий в Британской Колумбии [Carlson, 1983], которая характеризуется сочетанием унифасиальных галечных орудий и листовидных бифасов при отсутствии микропластинчатой технологии.

Отмечаются некоторые общие черты между домикропластинчатыми позднплейстоценовыми комплексами северо-востока Азии (Ушки, слой VII, Большой Эльгахчан) и Аляски (комплекс Ненана) [Goebel et al., 1991]. Сохраняется значительный хронологический разрыв между самыми ранними черешковыми наконечниками из Северной Америки и с Камчатки.

Четких доказательств формирования палеоиндейских культур в Северной Азии пока нет, но образец желобчатого наконечника со стоянки Уптар [Слободин, Кинг, 1998] может свидетельствовать о том, что прием утончения листовидных наконечников с помощью желобка был известен на северо-востоке Азии уже на рубеже плейстоцена и голоцена, а возможно и ранее.

В конце плейстоцена на Северо-Востоке, как и во всей Северной Азии, в течение саргана распространяется МПИ с клиновидными нуклеусами. Имеющихся данных недостаточно для обоснования плейстоценового возраста стоянок Кухтуй III и Майорыч и отнесения их к дюктайской культуре. Существование на северо-востоке Азии безмикропластинчатой (но с бифасами) поздней стадии дюктайской культуры, представленной стоянкой Кухтуй III [Мочанов, 1977; Kozłowski, Bandy, 1984], не подтверждается фактическими материалами. Критически также следует использовать материалы стоянки Берелех, значительная часть которых представлена подъемными сборами или связана со сложным стратиграфическим контекстом и включает каменные подвески, не характерные для дюктайских материалов в Якутии.

Не менее сложной представляется картина формирования культур на рассматриваемой территории в раннем голоцене. Отмечается отчетливое влияние сумнагической культуры Якутии (стоянки Тытыль I – III, Челкун IV, Буонда III и др.). Осваивая Арктику с минимальным запасом каменных орудий, человек достигает 76° с.ш. [Питулько, 1998]. Получены свидетельства распространения в раннем голоцене на северо-востоке Азии уолбинской культуры с плас-

тинчатыми черешковыми наконечниками (стоянки Юбилейный, Уи, Агробаза II, ИНГ-78, Конго-78), существование которой впервые было обосновано А.П. Окладниковым [1947]. Несколько обособленно и эклектично на этом фоне выглядит “тяжелый” сибердикский комплекс, соединивший в себе микропластинки, галечные орудия и бифасы. Дополнительное датирование образцов со стоянки Малтан показало, что ее нижние слои не древнее 4 – 5 тыс. лет и памятник не может больше рассматриваться как мезолитический.

Для Камчатки пока имеется одна раннеголоценовая дата – 8 790 ± 150 лет (Маг-231). Она характеризует слой V Ушковской стоянки, сохранивший с небольшими изменениями технологические традиции предшествующей ему позднплейстоценовой культуры [Диков, 1977]. В свете имеющихся данных появившаяся затем (в слое IV стоянки Ушки), по определению Н.Н. Дикова [1979], мезолитическая или раннеолитическая культура Камчатки с микропластинками и без шлифованных орудий по возрасту (4,2 тыс. лет) моложе раннего этапа тарьинской неолитической культуры – уже без ножевидных пластинок и с шлифованными орудиями, имеющей возраст 5200 лет [Дикова, 1983]. Сложившееся противоречие требует перепроверки ряда дат и уточнения культурной принадлежности подъемных коллекций с западного побережья Камчатки, которые, очевидно, ошибочно, отнесены к тарьинской культуре [Рубан, 1980].

Список литературы

- Абрамова З.А.** К вопросу о культурных связях Азии и Америки в позднем палеолите // КСИА. – 1973. – № 137. – С. 22 – 27.
- Васильевский Р.С.** Древние культуры Тихоокеанского Севера. – Новосибирск: Наука, 1973. – 184 с.
- Васильевский Р.С.** Верхний палеолит Южного Приморья. – Новосибирск: Наука, 1989. – 286 с.
- Воробей И.Е.** Стоянки в устье Делонга // Краевед. зап. – Магадан: Магадан. обл. краевед. музей, 1993. – С. 16 – 28.
- Воробей И.Е.** Стоянка Дручак-Ветреный // Археологические исследования на Севере Дальнего Востока. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1996. – С. 24 – 51.
- Диков Н.Н.** К проблеме мезолита на Камчатке // КСИА. – 1977. – Вып. 149. – С. 120 – 124.
- Диков Н.Н.** Древние культуры Северо-Восточной Азии. – М.: Наука, 1979. – 352 с.
- Диков Н.Н.** Палеолит Камчатки и Чукотки в связи с проблемой первоначального заселения Америки. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1993а. – 68 с.
- Диков Н.Н.** Азия на стыке с Америкой в древности. – СПб.: Наука, 1993б. – 304 с.
- Дикова Т.М.** Археология Южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов. – М.: Наука, 1983. – 230 с.

- Кирьяк М.А.** Орловка II – первая палеолитическая стоянка Западной Чукотки // Новое в археологии Севера Дальнего Востока. – Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1985. – С. 12 – 23.
- Кирьяк М.А.** Археология Западной Чукотки в связи с юкагирской проблемой. – М.: Наука, 1993. – 224 с.
- Кузнецов А.М.** Поздний палеолит Приморья. – Владивосток: Дальневост. гос. ун-т, 1992. – 240 с.
- Лаухин С.А., Дроздов Н.И.** Первое местонахождение артефактов начала позднего палеолита на севере Чукотского полуострова // Проблемы краеведения. – Уссурийск: Уссур. пед. ин-т, 1989. – С. 37 – 41.
- Лебединцев А.И.** Древние приморские культуры Северо-Западного Приохотья. – Л.: Наука, 1990. – 240 с.
- Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д.** Опыт датирования по ¹⁴C погребений Прибайкалья эпохи голоцена // СА. – 1989. – № 1. – С. 19 – 32.
- Мочанов Ю.А.** Палеолит Сибири // Берингия в кайнозое. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1976. – С. 540 – 565.
- Мочанов Ю.А.** Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1977. – 264 с.
- Мочанов Ю.А.** Начальные этапы заселения человеком Приохотья, Камчатки и Чукотки // Проблемы археологии и этнографии Сибири. – Иркутск: Иркут. ун-т, 1982. – С. 34 – 36.
- Окладников А.П.** Колымская экспедиция // КСИИМК. – 1947. – № 21. – С. 76.
- Палеолит СССР.** – М.: Наука, 1984. – 338 с.
- Питулько В.В.** Жоховская стоянка. – СПб.: ИИМК, 1998. – 380 с.
- Пономаренко А.К.** Разведки на Восточной Камчатке // АО 1995 года. – М.: Наука, 1996. – С. 115 – 116.
- Рубан В.И.** О корреляции древних стоянок западного побережья Камчатского полуострова и долины р. Камчатки // Новейшие данные по археологии Севера Дальнего Востока. – Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1980. – С. 51 – 56.
- Слободин С.Б.** Каменный век Верхней Колымы и континентального Приохотья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1995. – 18 с.
- Слободин С.Б.** Позднеплейстоценовые комплексы Берингии // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. – Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1998. – С. 56 – 62.
- Слободин С.Б.** Археология Колымы и континентального Приохотья в позднем плейстоцене и раннем голоцене. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1999. – 234 с.
- Слободин С.В., Кинг М.Л.** Наконечник желобчатого типа с уптарского археологического комплекса // Вест. ДВО РАН. – 1998. – № 5. – С. 35 – 44.
- Carlson R.L.** The Far West // Early man in the New World. – Beverly Hills; L.; New Delhi: Sage Publication, 1983. – P. 73 – 96.
- Clark D.W.** The Northern (Alaska-Yukon) Fluted Points // Clovis Origins and Adaptations. – Corvallis: Oregon State University, 1991. – P. 35 – 48.
- Derev'anko A.P.** Paleolithic of North Asia and the problem of ancient migrations. – Novosibirsk: Institute of History, Philology and Philosophy Sib. Br. USSR Acad. Sci., 1990. – 123 p.
- Goebel T., Powers R., Bigelow N.** The Nenana Complex of Alaska and Clovis Origins // Clovis Origins and Adaptations. – Corvallis: Oregon State University, 1991. – P. 49 – 79.
- Haynes C.V.** Were Clovis Progenitors in Beringia? // Paleocology of Beringia. – N.Y.: Academic Press, 1982. – P. 383 – 398.
- Keally Ch.T.** Hokkaido Pleistocene Archaeology and Earliest American: Some Comments // Current Research in the Pleistocene. – 1990. – N 7. – P. 143 – 146.
- King M.L.** Radiocarbon Dating the Early Holocene Occupation of Western Beringia: Revisions from the Upper Kolyma Region // Beringian Paleoenvironments Workshop. – Colorado, 1997. – P. 85 – 87.
- King M.L., Slobodin S.B.** A Fluted Point from the Uptar Site, Northeastern Siberia // Science. – 1996. – Vol. 273. – P. 634 – 636.
- Kozlowski J., Bandi H.-G.** The Paleohistory of Circumpolar Arctic Colonization // Arctic. – 1984. – Vol. 37, N 4. – P. 359 – 372.
- Kuznetsov A.M.** Paleolithic of the Russian Far East: a geoarchaeological aspect of the Problem // Current Research in pleistocene. – 1994. – Vol. 11. – P. 140 – 144.
- Larichev V., Khol'ushkin U., Laricheva I.** The Upper Paleolithic of Northern Asia: achievements, problems and perspectives; Northeastern Siberia and Far East // Journal of World Prehistory. – 1992. – N 6. – P. 441 – 476.
- Lozhkin A.V., Anderson P.M., Eisner W.R. et al.** Late Quaternary Lacustrine Pollen Records from Southwestern Beringia // Quaternary Research. – 1993. – Vol. 39, N 3. – P. 314 – 324.
- Mochanov Yu.A., Fedoseeva S.A.** Berelech, Allachovsk region // American Beginnings / Ed. F.H. West. – Chicago: Chicago University Press, 1996. – P. 218 – 222.
- Okladnikov A.P.** Yakutia Before its incorporation onto the Russian State. – Montreal; L.: McGill-Queen's University, 1970. – 499 p.
- Powers R.W.** Palaeolithic Man in Northeast Asia // Arctic Anthropology. – 1973. – Vol. 10, N 2. – P. 1 – 106.
- Powers R.W.** The Peoples of Eastern Beringia // Prehistoric Mongoloid Dispersals. – Tokyo, 1990. – N 7. – P. 53 – 74.
- Slobodin S.B., King M.L.** Uptar and Kheta: Upper Palaeolithic Sites of the Upper Kolyma Region // American Beginnings / Ed. F.H. West. – Chicago: Chicago University Press, 1996. – P. 236 – 244.
- Vasil'ev S.A.** The Upper Palaeolithic of Northern Asia // Current Anthropology. – 1993. – Vol. 34, N 1. – P. 82 – 92.
- West F.** Archaeology of Beringia. – N.Y.: Columbia University Press, 1981. – 268 p.
- Yi S., Clark G.** The "Dyuktai Culture" and New World Origins // Current Anthropology. – 1985. – Vol. 26, N 1. – P. 1 – 20.